

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

РЕФЛЕКСЫ КОРНЯ $\aleph 7 \aleph$ /ADAM/ADÆM В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Т. Гугиева

В осетинском языке, как и в большинстве языков евразийского языкового ареала, представлен корень $\aleph 7 \aleph$. Уникальность ситуации в осетинском состоит в том, что рефлекс данного корня имеет значение множественного числа и эквивалентен лексемам «люди», «народ», тогда как в большинстве известных случаев когнаты данного корня имеют значение «человек», «мужчина». В близкородственных осетинскому языках отмечена бисемия «человек» — «люди». Семантика осетинского слова, на наш взгляд, отражает возраст и характер заимствования. В данной статье делается допущение о прямом характере заимствования слова из языков, где оно возникло и функционировало в качестве бисемной единицы на стадии, когда они были языками общения, а не письменных источников.

Ключевые слова: заимствование, гебраизм, рефлекс, семантическое развитие, ассимиляция в языке-реципиенте, этимон.

The Ossetic language, alongside with most languages of the Euro-Asian linguistic area has borrowed the root $\aleph 7 \aleph$. The uniqueness of the situation is that the reflex of this root in Ossetic has the seme of plurality and is equivalent to «people», «men», whereas in most cases known cognates of this root have the seme of singularity and mean «a human being», «a man». In the languages closely related to the Ossetic language the reflexes of this root are bisemic «a man» — «people». Semantics of the word in Ossetic, in our opinion, reflects the age and nature of the borrowing. In this article, the direct nature of the borrowing is assumed from the languages where it originated and functioned as bisemic unit at a stage when they were languages of communication, rather than written sources.

Keywords: borrowings, Hebraism, reflexes, semantic development, assimilation of a borrowing, etymon.

Географические факторы и хронологические параметры позволяют считать гебраизм $\aleph 7 \aleph$ /adam/adæm первым среди интернационализмов по повсеместности распространения и по длительности функционирования в большинстве известных индоевропейских и в не индоевропейских языках. Фонетический состав корня таков, что он подвергается минимальным трансформациям при ассимиляции в языке-реципиенте. Звуковое сходство наряду с семантическим изоморфизмом обусловили

то, что рефлекс его во всех языках однозначно опознаваемы как восходящие к одному протокорню.

В большинстве известных случаев когнаты данного корня имеют значение «человек», «мужчина» ($A_{[sg]}$), тогда как в современном осетинском языке слово *адæм* обладает значением плюральности ($A_{[pl]}$). Данное слово полифункционально с инвариантной семой — «множество людей» [1, 51] и может употребляться для обозначения и абстрактного множества («люди»),

и структурированного понятия («народ, этнос»).

В «Осетинско-русско-немецком словаре» В.Ф. Миллера *адæм* лексикализуется как «люди», «народ»: *Leute, Volk* [2, 13]. В «Осетинско-русско-английском словаре» Т.А. Гуриева наряду с русскими эквивалентами «люди», «народ», «население» приводятся соответствующие английские *people, population, nation, folk* [3, 21].

В «Толковом словаре осетинского языка» Н.Я. Габараев приводит политэкономическое, этническое и социальное значения слова *адæм*:

1. *паддзахады, бæстæйы царджытæ*; народ, население;

2. *уу æвзагыл дзурæг адæймагты æхсæнад; уу нацима чи хауы, ахæм адæймагты æхсæнад*; нация, народ, народность;

3. *æрмæст иууон нымæцы адæймагтæ*; люди, народ [4, 51].

В.И. Абаев в словарной статье *адæм* в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» пишет, что заимствованное из арабского, персидского, тюркских языков *ādam* «человек» в осетинском имеет значение не индивида, а коллектива, и обуславливает производность понятия «человек» от «народ» определенной ступенью в развитии общества, когда «понятие индивида являлось вторичным», а «понятие коллектива первичным» [5, 29]. В такой редакции появление семы множественности произошло на стадии семантической адаптации заимствованной единицы в языке-реципиенте: $A_{[sg]} \rightarrow A_{[pl]}$. Однако возможно допущение о том, что значение множественности у *адæм* не является семантическим наращением, имевшим место в осетинском языке, а, напротив, может отражать особенности семантики этимона в языке-доноре.

Вероятность развития $A_{[sg]} \rightarrow A_{[pl]}$ достаточно высока, определяется сложным философским характером взаимообусловленности данных понятий и, как следствие, взаимопроницаемостью семантических границ внутри означающих их языковых единиц, что подтверждается другими примерами. Так, в семантическом объеме ан-

глийского *man*, предидирующего мужчину, отмечены семы «человеческое существо» и «человеческая раса»: 1. *human being*; 2. *the human race*.

Множественность может выражаться семантически и в не индоевропейских языках: в хакасском языке *up* от прототюркского **ēr* (*man, brave, warrior, tribesman*) имеет кроме «мужчина», «муж», «герой, воин» также значение «нация», «народ».

Помимо развития множественного из единственного, возможен противонаправленный вариант идеосемантического развития $A_{[pl]} \rightarrow A_{[sg]}$. Примером развития единственного из множественного может служить пережиточная стадия реликтового древнеанглийского *lēod* — *people*, которое в среднеанглийский период приобретает следующие значения: *people, a nation, a man*. Впоследствии, вытесняясь заимствованными лексемами, *lēod* архаизируется полностью (если *lad* не имеет к нему отношения).

Мысль о первичности коллектива впоследствии (в 1959 г.) была развита В.И. Абаевым в другой работе: «Не народ есть сумма автономных индивидов, а, наоборот, индивид есть лишь парциальный представитель автономного и суверенного целого — народа» [6, 686]. Интересно, что в данной редакции среди примеров, иллюстрирующих это положение, нет слова *адæм*, и речь идет только об этнонимах, что представляется более оправданным, особенно применительно к аллоэтномам, т.е. не к собственному народу, а к другим, вследствие недискретного восприятия иноэтнических и иноязычных групп.

На определенном этапе могла быть непервичность наименования человека, в силу избыточности языковых средств. Данная лексико-семантическая группа достаточно многочисленна во всех языках и представлена главным образом исконными лексемами, а также *хътæ/ādam/адам*, тогда как номинация «народ» во многих языках осуществляется с помощью производных основ либо заимствованных слов. Судя по тому, что есть общеиндоевропейские корни, номинирующие отдельного человека, но нет общих корней «народ», — хроноло-

гически предшествующим и «первичным» очевидно следует считать наименование человека.

На наш взгляд, специфичность семантики **адæм** может свидетельствовать о том, что в протоосетинский данное слово проникло не из языков посредников, а является результатом прямого заимствования из языка-донора, возможно, из иврита, где начинается его письменная история **אָדָם/adam** и где оно являлось полисемной лексемой — А_[имя собственное — человек — люди].

Именно представленность данного слова, наряду с некоторыми другими, во многих языках стимулировала лингвистов до-сравнительно-исторического периода считать иврит праязыком — *lingua primaeval* — всех известных языков (Guichard (1606), Thomassin (1697), Court de Gebelin (1775), Jo. A. Ernesti), и еще в XIX в. М. Норберг (M. Norberg) считал необходимым возводить практически все слова и имена к древнееврейским этимонам [7].

Существует мнение о заимствованном характере элементов сюжета и имен Книги бытия из шумерско-месопотамских сказаний [8]. А в *Bible Dictionary* слово названо вавилонским, со сходной семантикой и в иврите, и в ассирийском языках (a Babylonian word, the generic name for man, having the same meaning in the Hebrew and the Assyrian languages) [9].

Независимо от того, насколько оригинальны сюжеты Ветхого завета, несомненно, что распространению корня по всему индоевропейскому миру способствовала популярность библейских космогонических представлений, письменно зафиксировавших, задокументировавших имя первочеловека. Таким образом, даже если в иврит слово пришло из шумерского вместе с фольклорными сюжетами о Гильгамеше, то интернационализации слова определенно способствовали иврит и Ветхий Завет.

«Лексикографам хорошо известны трудности, возникающие при попытках семантизации слов, особенно, как ни парадоксально, широкоупотребительных и частотных, более того — неизменно актуальных для носителей данного языка в раз-

ные периоды его истории» [10]. Проблемы семантизации **אָדָם/adam/адам** — особого свойства и состоят в его имманентной синкретичности — *earthling man, mankind, humankind* («земной человек, человечество») [11, 44].

Большинство словарей отмечает полисемичность данного слова («Adam» is both the proper name of the first human and a designation for humankind) [12].

Существует общепризнанная этимология, хотя есть и альтернативные версии происхождения слова. Ономастическая процедура, согласно традиционной этимологии, очевидна. С такой же обоснованностью, с которой по основным характеристикам назывались остальные предметы и явления («свет назвал днем, тьму назвал ночью»), сделанный из **adamah** — земли, пыли получил свое имя и первый земной человек, «человек вообще», тогда как первые имена, которыми были наречены архангелы, были теофорными. Идеосемантическое развитие шло, подобно латинскому **homo** «мужчина, человек», от **humanus** «человек», **humus** «земля, почва».

В словаре У. Смита сравнение с **homo** проводится также на основании присущей им обоим гендерной амбивалентности (like homo was applicable to woman as well as to man) [13].

В свою очередь осетинское слово **адæй-маг** «человек» гендерно нейтрально. Данное обстоятельство обусловлено этимологически — тем обстоятельством, что оно является дериватом слова **адæм** со значением «люди», «народ», т.е. референтом производящей основы является гетерономная общность, группа, коллектив. Общеупотребительность лексемы **адæм** обусловил тот факт, что оно — нейтральный номинант человеческого общества. В качестве родового термина по отношению к лицу любого пола в осетинском языке используется слово **адæймаг** «человек» — суффиксальное производное от **адæм** «народ».

В тексте Ветхого Завета слово частотно (встречается в тексте Священного писания более 560 раз), и не всегда достаточно очевидно, которое из его значений актуализи-

руется [14, 186]. Неопределенность задается с первых упоминаний. Кого же создавал Бог по образу и подобию своему («нашему», а не «моему») на шестой день творения — человека, людей или конкретное лицо? Кроме того, создаваемый/создаваемые изначально определялся как первый трудящийся/пролетарий (and there was no man (*adham*) to till the soil) [14, 17].

Бисемия «человек» — «народ» исходной лексемы представляет проблему, которую приходится преодолевать при переводе на такие языки, где единственное и множественное, в силу супплетивности парадигмы числа, выражаются разными словами, либо оформлены по-разному морфологически.

Интересно проследить эволюцию в англоязычных переводах записи про шестой день творения.

В знаменитом тексте, переведенном по поручению короля Якова (KJV King James Version) в 1611 г., и в большинстве последующих переводов Бог задумал сотворить человека/*man* (Gen 1: 26, 27): «And God said, Let us make man {Hebrew adam} in our Image, after our likeness». В этом же контексте личные местоимения третьего лица создают путаницу, избежать которую не помогает и то, что в недавних переводах Today English Version и New Revised Standard Version слова *humankind* и *human beings* соответственно используются для перевода {adam}.

В слове-имени *адам-Адам* изначальное семантическое три- и даже более-единство: человек — люди — работник, подразумевает также имя человека. Коннотаций-импликаций впоследствии становилось больше по мере распространения слова: например, национальность, которая, как и всем ветхозаветным героям, предсказывается вполне определенно, и преклонный возраст.

Коннотации рефлексов корня в каждом языке национально-специфичны. Коннотоним — «всегда собственное имя, в котором его денотативное значение сосуществует с общезыковыми или коннотативными коннотациями» [15, 186]. Одно и то же имя собственное в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах

использования может развить целый пучок значений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как разновременные элементы его смысловой структуры.

В «Словаре русского языка» В.И. Даля: Адам — вообще — человек во плоти, грешник, падкий на соблазн. У В. Соловьева «ветхий Адам» — человек греха [16].

В словаре русской паремиологии приведены 20 единиц с *адамом*, в 18 из которых, несомненно, аллюзия на ветхозаветного Адама. В рифмованной паремии — «Адам привычен к бедам» — можно полагать нарицательность существительного, выступающего в функции подлежащего, тогда как в следующей паремиологической единице *адам* не является прецедентным именем: «И ты адам, и я адам; все мы адамы» [17, 15-16]. «Разновременность элементов смысловой структуры» обуславливает альтернативность интерпретации: все мы люди? грешники?

В народной речи прошлого века в русском языке библейское *Адам* было зафиксировано с коннотацией «человек огромного роста». В настоящее время «референтная подоснова... предопределила появление в нем новой коннотации — “первопоселенец”» [18, 420].

Возраст миграции данного корня обусловил то, что в ряде языков его рефлекс являются доминантными в лексико-семантической группе «человек, мужчина», хотя во многих языках, заимствовавших данный корень, наряду с ним для номинации человека употребляются и другие лексемы. Интересно отметить, что группа терминов семейно-родственных отношений практически непроницаема для него, т.к. нет (?) языков, где была бы отмечена его амбивалентность «мужчина» — «муж», и которой он в самом иврите не обладал (пример, приводимый для немецкого языка *Eidam* «жених», «зять» [19, 42-50.] не подтверждается лексикографически). Следовательно, слово практически не наращивает многозначность в языках-реципиентах, имея очевидно ограниченный

семантический потенциал по сравнению с исконными лексемами.

В восточных индоевропейских языках слово больше функционирует как нарицательное — «человек», «народ» (в хинди *aadmi* — «человек, мужчина» (*man*) и «смертный» (*mortal*), в персидском *ādām*), также как в арабском и тюркских (туркменское *ādam*, татарское *adām*, чувашское *etem*), тогда как в западно-индоевропейском ареале оно является популярным мужским именем, либо отмечено как прецедентное имя, *the first man*.

Возможно, географическое/изоглоссное распределение отражает хронологические факторы. В значении «человек», «народ» слово проникает в арабский, в тюркские и в индоарийские языки индоевропейской семьи достаточно рано, тогда как мода на библейские имена в западно-европейском ареале — это не столь отдаленный/более поздний по времени процесс.

Не исключено, что могут различаться также источники и характер заимствования: на запад оно проникает как библеизм, а на востоке оно могло распространяться не по сказаниям, с одной стороны, и по шумерской, и по семитской траекториям — с другой. Иначе говоря, на запад корень импортируется как антропоним (в позднее средневековье и через библейские сказания), но не через язык оригинала, который к моменту возникновения практически всех индоевропейских языков Европы был языком Священного писания, а не средством общения, но опосредованно, в переводах, начиная с *Адаи* греческой Септуагинты. В восточные языки слово попадает как нарицательное, амбивалентное, скорее, через типологические контакты, устное творчество, и языками-донорами являются иврит и шумерский.

В протоосетинском, возможно, обходились номинациями со значением «группа, связанная происхождением, имеющая кровные, родственные связи и т.д.»: династия, дом, клан, колено, круг, община, племя, поколение, порода, потомство, род, семья. В обществе, а следовательно, и в языке, могла отсутствовать потребность в гиперониме,

когда достаточно дискретно обозначались объединения/общности по генетическому признаку, социальному или этническому. Возможно, было достаточно номинаций этнонимов, особенно экзоэтнонимов. В таком случае, заимствование могло происходить на соответствующем этапе, когда появилась потребность в номинациях с общим значением «общность/объединение людей»: люди, мир, народ, нация, общество, племя, человечество, этнос, язык и др.

К этому времени в языке могло быть достаточно слов, в пресуппозиции которых — «человек, мужчина».

Возможно допущение о том, что в протоосетинском языке данную функцию выполняло грамматически оформленное множественное число тех слов, которые впоследствии могли подвергнуться архаизации. Среди слов современного осетинского языка ни у одного слова данной лексико-семантической группы нет подобной функции. Тот факт, что во всех своих значениях: *humanity, mankind, human, person, man* оно согласуется с синтаксическим единственным числом, обуславливается собирательностью его семантики («is a collective and is therefore never used in the plural»). Аналогичным образом осетинский рефлекс может проявлять избирательность при согласовании с личной формой глагола, т.к. число, как и падеж, ни у прилагательных, ни у местоименных единиц в осетинском языке морфологически не маркированы. Однако, вне зависимости от того, какая сема актуализируется в том или ином контексте, следует отметить преобладание и узуальность форм множественного числа сказуемого при подлежащем, выраженном существительным *адам*. Это в целом соответствует синтагматическим отношениям, в которые в осетинском языке вступают существительные со значением собирательности. Так, из 55 фразеологических единиц с компонентом *адам* в 27 имеются личные формы глаголов, и все они — маркированные формы множественного числа: *Адам кацырдам симой, ды дæр уыцырдам сим* (букв. «в какую сторону люди симд танцуют, туда и ты танцуй»).

Материал паремиологии обладает в данном случае ограниченной репрезентативностью, т.к., на наш взгляд, во всех случаях с разной степенью очевидности имплицируются «люди», а не «народ»: *Адаем сæ карæдзийæн хос ысты* («люди друг для друга лекарством являются»); *Адаем иу зондыл хæст не сты* («люди неодинаково думают»); *кæсаг кæмдæр доны бын дон банызта, ма уый дæр адаем базыдтой* («рыбка под водой воды напилась, а уже среди людей молва прокатилась»).

Адаем в осетинском — это несомненное заимствование, а заимствованные слова часто проникают как моносеманты. Но если в таджикском языке однокоренное ему слово *одам* имеет одно значение «человек», как и ишкашимское *odam*, то в осетинский язык слово могло проникать как моносемант, но в значении «народ», «люди» — **adam* [_{народ}].

Элиминация исходной амбивалентности слова могла происходить на стадии его рецепции в язык, и заимствование можно рассматривать как заказ на восполнение лакуны — в осетинском была потребность в наименовании народа — людей: $A_{[pl]} \rightarrow A_{[pl]}$.

С другой стороны, в согдийском *ādam* и ягнобском *adam* амбивалентны: «человек», «люди» [5, 29], что позволяет допускать подобную бисемию и в протоосетинском: $A_{[sg+pl]} \rightarrow A_{[sg+pl]} > A_{[pl]}$. Следует отметить, что в данном случае высокая степень генетического родства согдийского и ягнобского языков с осетинским является определяющей лишь в том случае, если данное заимствование имело место до стадии их дивергентного развития.

Относительно бисемии ягнобского слова *adam* «человек» — «народ» отметим, что данные, приведенные в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» не подтверждаются другими лексикографическими источниками. Так, в «Ягнобско-русском словаре» для *odám* указано одно значение «человек» [20, 297] и в «Ягнобском словаре» Л. Новака для *ōdám* — *člověk*, *ōdamgīrī* (II) [21, 120]. Однако, т.к. в указанных словарях и для *odámizot/odámězot* [20, 297] указывается только значение «чело-

век» *člověk*, [21, 120]), можно полагать большую точность лексикализации в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В.И. Абаева, поскольку существительное *Zod/zot* имеет значение множественности («потомство, род») в самом ягнобском, и однокоренное ему осетинское *цот* имеет сходную семантику. Композит, составленный из данных корней в осетинском *адаемы цот*, также не обладает значением единственности. Теоретически допустимо, что развитие бисемии произошло при словосложении, и новое значение появляется у производного слова.

В таком случае, в протоосетинском в слове, заимствованном как бисемант, для снятия омонимии произошла элиминация одного из его значений, для которого по продуктивной деривационной модели было образовано *адæйм-аг*. Суффикс *-аг*, со значением парциальности используется в осетинском языке для деривации от этнонима обозначения человека, принадлежащего данной этнической общности (*неми-аг*, *уырысс-аг*), а также для обозначения принадлежащего данному территориальному образованию (*горæт-аг*, *хъæуыкк-аг*). (В ягнобской (согдийской) топонимике *-ак* обозначает местность, которая расположена по соседству с теми, что были освоены ранее, а также меньшего размера.)

Такой механизм деривации с помощью суффикса *-аг* используется в осетинском у всех производных от этнонимов (кроме автоэтнонимов). Самоназвания *ир-он* — *дигор-он*, а также единичные аллоэтнонимы (*кæсг-он*, *махъæл-он*) образованы с помощью полифункционального суффикса *-он* по модели обозначения фамилий/родов. Сходным образом в таджикском языке продуцируется *одам-он* «народ». Омническое ему (т.к. состоит из тех же словообразовательных элементов) осетинское суффиксальное производное *адæм-он* является в настоящее время прилагательным — «народный».

У Фр. Тордарсона в статье о языке турецких осетин, вероятно, ошибочно указывается значение слова *адæмаг* — «человек, народ», что не подтверждается нашими дан-

ными [22, 106]. По-видимому, имела место неточность при переводе статьи на русский язык. На вероятность неточности указывает и тот факт, что ни в одном из известных языков у деривата нет семантической амбивалентности. С другой стороны, это может быть отражением архаичной амбивалентности, которая в осетинском языке могла быть присуща суффиксальному производному.

Следует отметить, что *адæймаг* даже во множественном числе *адæймæгтæ* не приобретает значения «общность, народ». Таким образом, морфологически оформленное множественное *адæймæгтæ* «люди» — это «сумма автономных индивидов», личности, не приобретающее значения общности или собирательности, как, например, в чеченском языке, где множественное число *адамаш* имеет значение «люди».

Очевидно, что осетинская лексема *адæм* является развитием заимствованного семитского корня *אָדָם*, известного и как имя собственное, и как нарицательное существительное «человек», «народ».

Теоретически возможно, что рефлекс корня в осетинском мог реставрировать значение этимона «народ», вытеснившее значение «человек», в котором оно было заимствовано из языков-посредников. Однако есть основания рассматривать плюральность семантики осетинского слова как сохранение одного из исходных значений этимона. Такое допущение требует пересмотра ряда положений о характере и времени заимствования, т.к. это может свидетельствовать о том, что это прямое, без посредников, и достаточно раннее заимствование в протоосетинский.

1. *Гуыриаты Т.* Дзырд адæм: йæ семантикон бæрцуат. Ирон ныхасы культурæ æмæ стилистикæ. Дзæуджыхъæу, 2011. Вып. 4. (на осет. яз.)
2. *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Л., 1927-1929. Т. I-II.
3. Осетинско-русско-английский словарь/Сост. Т. А. Гуриев. Владикавказ, 2013. Т. 1. «А — Къ».
4. Толковый словарь осетинского языка в 4-х томах/Сост. Н. Я. Габараев. Москва, 2007. Т. 1. «А — Ё».
5. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I. «А — К».
6. *Абаев В. И.* Избранные труды. Владикавказ. 1990. Т. 2.
7. *Muss-Arnolt W.* On Semitic Words in Greek and Latin [электронный ресурс]. URL: http://archive.org/stream/jstor-2935792/2935792_djvu.txt
8. *Mattfeld W.* Ezekiel's Cherubim and Ancient Near Eastern Exemplars (9th-6th centuries B. C.). Bible Origins. 2008.
9. *Easton M. G.* A Dictionary of Bible Terms // Illustrated Bible Dictionary. 3rd ed. London, Thomas Nelson, 1897.
10. *Васильев А. Д.* Игры в слова: население вместо народа // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). С. 60-69.
11. *Insight on the Scriptures.* Brooklyn, N. Y., U. S. A., Watchtower Bible and Tract Society of New York, International Bible Students Association, 1988. Vol. 1.
12. *Baker's Evangelical Dictionary of Biblical Theology/Ed. Walter A. Elwell.* Michigan, U. S. A., 1996 [электронный ресурс]. URL: <http://www.biblestudytools.com/dictionary>
13. *Smith William Dr.* Entry for Adam. Smith's Bible Dictionary, 1901.
14. *Freedman David Noel, Myers Allen C.* Eerdmans Dictionary of the Bible. Amsterdam University Press, 2000.

15. *Отин Е. В.* Принципы построения коннотационного словаря русских онимов // Русское языкознание. 1986. Вып. 13. С. 38-45.
16. *Соловьев В.* Об упадке средневекового миросозерцания. Реферат, читанный в заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 года [электронный ресурс]. URL: [dugward.ru...solovyev_vl/solovyev_v...ob_upadke.html](http://dugward.ru/solovyev_vl/solovyev_v...ob_upadke.html)
17. *Мокиенко В. М., Никитина Т. В., Николаева Е. А.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
18. *Миндлин Э. М.* Необыкновенные собеседники. М., 1979.
19. *Квилинкова Е. Н.* Гагаузы Молдовы и Болгарии: (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005.
20. *Андреев М. С., Лившиц В. А., Писарчик А. К.* Ягнобско-русский словарь // Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. М.-Л., 1957.
21. *Novak L.* Jaghnóbsko-chesky slovník s přehledem jaghnóbské gramatiky. Ягнобй-чехй луғат ягнобй зивокй дастури фехрастипй. Prague, 2010.
22. *Тордарсон Фр.* Несколько слов о языке анатолийских осетин // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1972. Вып. 27.